

«Комнаты тишины» как феномен трансформации религиозных отношений в Западной Европе начала XXI века

В. В. Барашков

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Российская Федерация*

Введение. Трансформация религиозности в современной Западной Европе проявляется в индивидуализации религиозных практик. Это явление получает разные названия: «приватизация веры», «невидимая религия», «лоскутная религиозность» и др. Очевидно, что эти практики требуют определённой пространственной организации, отличной от церковной. Пространствами, направленными в своей основе именно на индивидуальную религиозность, становятся «комнаты тишины».

Содержание. В условиях мультикультурализма в общественных пространствах (учебных заведениях, госпиталях, аэропортах, вокзалах, торговых центрах и др.) формируется тип «комнат тишины». Они неоднородны и предлагают различные модели взаимодействия людей с религиозными и нерелигиозными взглядами («межрелигиозные», «медитативные», «секулярные» модели). В ряде случаев они становятся результатом «нейтрализации» христианского содержания уже существовавших часовен и молитвенных комнат. «Комнаты тишины» предназначены для людей любых религиозных взглядов или имеющих секулярное мировоззрение, что создаёт трудности при оформлении этих пространств. Проблематичной становится и задача согласования индивидуальных и коллективных религиозных практик. Это ведёт к тому, что на первое место выходит материальный аспект религии (material religion), когда поведение находящихся в «комнатах тишины» людей влияет на их организацию и дизайн. В то же время эстетика дизайна не только отражает религиозные представления и практики, но и влияет непосредственно на их «проживание» в конкретном пространстве.

Выводы. Анализ «комнат тишины» позволяет прийти к выводу о противоречивости этого феномена. С одной стороны, это – попытка дистанцироваться от традиционных коллективных форм конфессиональной религиозности, но в то же время не имеющая возможности их исключить. С другой стороны, конкретное религиозное или секулярное содержание определяется теми людьми, которые активно пользуются данной возможностью, однако сама форма нередко всё равно определяется традиционными способами взаимодействия религии и светского общества. В эстетическом плане можно сделать вывод о предпочтении в этих пространствах абстрактных изображений, поскольку они не нагружены конфессиональной символикой, а также о растущей значимости эстетики природы, которая воспринимается как наиболее адекватное отражение «светского возвышенного».

Ключевые слова: «комнаты тишины», религиозные отношения, религия и искусство, мультикультурализм, сакральное пространство, современное искусство, дизайн, свобода совести, секуляризация.

Для цитирования: Барашков В. В. «Комнаты тишины» как феномен трансформации религиозных отношений в Западной Европе начала XXI века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 241–252. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_241. EDN: AWGOWL

“Rooms of Silence” as a Phenomenon of Religious Relations Transformation in Western Europe at the Beginning of the 21st Century

Viktor V. Barashkov

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The transformation of religiosity in modern Western Europe is manifested in the individualization of religious practices. This phenomenon gets different names: “privatization of faith”, “invisible religion”, “patchwork religiosity”, etc. Obviously, these practices require a certain spatial organization, different from the church. The “rooms of silence” become spaces that are basically aimed at individual religiosity.

Content. In the multiculturalism context, a type of “rooms of silence” is being formed in public spaces (educational institutions, hospitals, airports, train stations, shopping malls, etc.). They are heterogeneous and offer different models of interaction between people with religious and non-religious views (“interreligious”, “meditative”, “secular” models). In some cases, they are the result of the “neutralization” of the Christian content of already existing chapels and prayer rooms. “Rooms of silence” are designed for people of any religious views or having a secular worldview, which creates difficulties in the design of these spaces. The task of coordinating individual and collective religious practices is also becoming problematic. This leads to the fact that the material aspect of religion comes out in the first place, when the behavior of people in the “rooms of silence” affects their organization and design. At the same time, the aesthetics of design not only reflects religious beliefs and practices, but also directly affects their “living” in a particular space.

Conclusions. The analysis of the “rooms of silence” allows us to conclude that this phenomenon is contradictory. On the one hand, this is an attempt to distance oneself from traditional confessional religiosity collective forms, but at the same time it does not have the opportunity to exclude them. On the other hand, the specific religious or secular content is determined by those people who actively use this opportunity, but the form itself is often still determined by the traditional ways of interaction between religion and secular society. Aesthetically, it can be concluded that abstract images are preferred in these spaces, since they are not loaded with confessional symbols, as well as the growing importance of the aesthetics of nature, which is perceived as the most adequate reflection of the “secular sublime”.

Key words: “rooms of silence”, religious relations, religion and art, multiculturalism, sacred space, contemporary art, design, freedom of conscience, secularization.

For citation: Barashkov, V. V. (2024) “Komnaty tishiny” kak fenomen transformatsii religioznykh otnoshenij v Zapadnoj Evrope nachala 21 veka [“Rooms of Silence” as a Phenomenon of Religious Relations Transformation in Western Europe at the Beginning of the 21st Century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 241–252. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_241. EDN: AWGOWL

Введение

Религиозная ситуация в Западной Европе в конце XX – первой четверти XXI в., как выявлено религиоведами [4; 6], существенно трансформируется. Соответственно, научный язык её описания требует постоянного уточнения и развития. На наш взгляд, это касается прежде всего рассмотрения тех новых феноменов, которые свидетельствуют об изменениях в религиозных отношениях. В контексте «пространственного поворота» в науках о культуре [1] формируется такая предметная сфера религиоведения как «материальная религия» [15], актуальной задачей становится рассмотрение динамики форм сакральных пространств.

Если по отношению к 1950–90-м гг. исследователи констатировали возрастание роли межрелигиозных пространств и экуменических церковных центров [8; 12], то в первой четверти XXI в. выявляется такой феномен, как «комнаты тишины», создаваемые в общественных пространствах [9–11; 13; 14; 16; 17]. В объяснении этого явления мы придерживаемся концепций, которые констатируют углубление процессов секуляризации, но вместе с тем принимают во внимание увеличение роли индивидуальных духовных практик [5; 7]. Обращение институтов гражданского общества к интересам различных религиозных групп соответствует кооперационной модели отношения государства и религиозных объединений (в отличие от идентификационной и отделительной) [7, с. 197–198]. В рассматриваемом нами случае кооперация осуществляется на микроуровне, в рамках определённых институтов.

В отечественной литературе ещё не было исследований, фокусирующихся на данном феномене, понятие «комнат тишины» ещё не введено в оборот отечественного религиоведения. Статья имеет целью конкретизацию теоретических положений о трансформации религиозности в Западной Европе на примере этого феномена, через определение роли эстетических факторов в формировании нового типа сакральных помещений в общественных пространствах.

Религиозные отношения как один из компонентов религии (по И. Н. Яблокову), включают в себя как отношения к гипостазированным существам, атрибутированным формам и связям, так и отношения верующих друг с другом. Наше исследование подчёркивает отношения между приверженцами

разных религий в светском общественном поле. Изучение процессов организации «комнат тишины» показывает также большую роль отношений между координаторами этих пространств, оформителями (художниками, дизайнерами) и непосредственно посетителями.

Задачи исследования: 1) описать историю и основные факторы возникновения «комнат тишины», привести их типологию; 2) показать соотношение индивидуальных/коллективных форм религиозно-духовной практики в этих пространствах и механизмы решения спорных ситуаций; 3) выявить роль эстетических факторов оформления, заявляемого как «нейтральное», в пространствах «комнат тишины».

Гипотеза исследования заключается в том, что изучаемый феномен демонстрирует разные, не всегда удовлетворительные, формы компромисса между индивидуальными и коллективными практиками, и позволяет констатировать попытки синтеза религиозного и светского понимания духовных ценностей. Для обобщения информации мы будем использовать сравнительно-религиоведческий и комплексный подход к анализу современной религиозности, а также сделаем акцент на выявление механизмов диалога религиозных и нерелигиозных мировоззрений.

Содержание исследования

Историю появления «комнат тишины» (rooms of silence) обычно возводят к 1957 году, когда в здании ООН в Нью-Йорке была обустроена комната для медитации; но также и к 1988 году – открытию поликонфессионального пространства в аэропорту Вены [9, с. 5]. Однако только к началу 2000-х гг. это явление стало по-настоящему заметным, переросло в тенденцию. Так, к 2013 г. в одной только Великобритании насчитывалось около 1 500 поликонфессиональных помещений [9, с. 2]. Каких-либо законодательных документов, закрепляющих роль «комнат тишины» в светском государстве, не существует, их создание и функционирование регулируется общим правом свободы совести, а также принципом толерантности. Это является одной из основных причин многообразия их форм, в зависимости от соотношения интенций организаторов и потребностей посетителей этих помещений.

«Комнаты тишины» – это зонтичный термин, используемый в научных исследованиях для обозначения целого ряда сходных феноменов (известных также как «комнаты для медитации», «комнаты для размышлений», «комнаты для отдыха» и т. д.). Эти места не получают религиозного освящения, в этом смысле оставаясь частью профанного пространства, в которое они включены. Дж. К. Хольсаппель-Бронс определяет их как комнаты «в общественном (институциональном) пространстве, как правило доступные для каждого и выделенные главным образом для того, чтобы предложить место для молитвы, размышления, медитации и личного ритуала» [14, с. 221]. Можно указать два основных типа пространств, где они встречаются: в открытых общественных пространствах (в аэропортах, на вокзалах, в торговых центрах и др.), и в рамках определённых институтов (в университетах, госпиталях, офисных зданиях и др.) [14, с. 223–224]. В статье будет рассмотрен второй тип.

Фактором возникновения этого феномена является политика осуществления свободы совести, предполагающая диалог как с религиозными объединениями, так и с конкретными верующими. Объективными предпосылками стали рост в Европе числа приверженцев отличных от христианства религиозных групп (мусульман, буддистов и др.), связанный с миграционной политикой, а также осознание изъянов идеологии и практики мультикультурализма (отсутствие общего культурного пространства) [3]. Создание «комнат тишины» – отражение процессов индивидуализации религиозных верований, возрастания роли специфически понимаемой духовности [5]. В случае организации «комнат тишины» духовность понимается в широком смысле, включая светское мировоззрение, (например, в интерпретации З. А. Тажуризиной – как «восприятие и усвоение личностью и обществом интеллектуальных моральных и эстетических достижений всечеловеческой культуры» [2, с. 54]).

«Комнаты тишины» предоставляют большой спектр возможностей для осуществления конкретных практик (проведение богослужений, коллективное или индивидуальное чтение молитв, медитация, йога, чтение священных книг, зажигание свечей, концентрация на своих переживаниях, запись своих мыслей и пожеланий в специальных книгах и т. д.). На данный момент

не существует общепринятой типологии этих пространств. Дж. К. Хольсаппель-Бронс выделяет следующие пять типов:

- тип маяка (место, содействующее выбору собственного пути);
- тип храма (место для встречи с божественным, что предполагает поликонфессиональность помещения);
- тип избавления (пространство для отдыха, избавления от институционального давления);
- тип кокона (безопасное убежище, эксплицитно связанное с религиозностью);
- тип мемориала (главная функция – поминовение) [14].

Более ясной и удобной нам видится другая типология, предложенная коллективом авторов, исследующих «комнаты тишины» в скандинавских университетах [9, с. 6–7]. Они составили таблицу (см.), построенную на двух осях: первая ось включает различие между индивидуальными и коллективными аспектами, вторая – различие между религиозными, духовными и секулярными практиками.

Таблица

Типология общих помещений

	Религиозные	Духовные	Секулярные
Индивидуальные	Комната молитвы	Комната для созерцания (contemplation)	Комната для размышлений (reflection)
Коллективные	Многоконфессиональная комната	Комната для медитации	Холл для восстановления сил, отдыха (recreational lounge)

Ещё одна классификация принадлежит архитектору Сабине Крафт, выделившей следующие типы:

- монорелигиозные;
- мультирелигиозные (в них присутствует символический ряд разных религий);
- многофункциональные, или межрелигиозные (религиозные символы привносятся на время);
- универсальные (мировоззренчески нейтральные);
- холистические (направлены не на религиозные ценности, а на здоровье и хорошее самочувствие) [11].

Хотя ключевым механизмом создания и поддержания деятельности «комнат тишины» является постоянный диалог между

представителями различных религиозных и общественных организаций (под контролем руководства учреждений, где устроены эти помещения), существуют и ограничения. В отсутствие общего документа, для полноценной реализации идеи диалога и толерантности руководство каждого конкретного учреждения составляет свод правил, регулирующих как взаимодействие с пространством, так и взаимоотношения между его посетителями.

Одна из главных проблем связана с констатируемой «нейтральностью» пространства. Чаще всего возникают конфликты, вызванные неудовлетворительным по мнению одной из сторон соотношением индивидуальных и коллективных практик. Тогда ищутся приемлемые решения контроля за временем и количеством проводимых христианских богослужений, совместных молитв мусульман и т. д. Ответственные лица равно опасаются как превращения этих пространств в подобие церквей, мечетей, иных традиционных сакральных пространств. Известно несколько случаев, когда эти комнаты пришлось на время закрыть из-за опасения превращения их в комнаты для молитвы исключительно мусульман. В частности, в Гамбургском университете споры вызвало не согласованное с начальством решение студентов-мусульман повесить шторку, что было расценено, как попытка сделать разделение по гендерному принципу. Похожие проблемы возникали и в других немецких университетах.

Необходимо отметить параллельно развивающийся феномен: в общественных пространствах, наряду с «комнатами тишины», создаются отдельные молитвенные комнаты для мусульман (хотя их число намного меньше). Феномен можно оценивать как положительно (учитываются права конкретных религиозных групп), так и отрицательно (возникновение споров о целесообразности отдельных помещений для всех заинтересованных религиозных групп, что расценивается как тупик диалога; также на практике создание комнат для мусульман становится ненавязчивым способом отгородиться от них в «комнатах тишины») [13].

Предпочтение в организации таких комнат для индивидуальных практик связано, таким образом, не просто с отбражением тенденций в религиозности, но и со стремлением максимально нейтрализовать пространство от традиционных конфессиональных практик. Характерно, что, когда создание

при различных институтах «комнат тишины» стало трендом, ранее существующие в некоторых из них христианские часовни также были перепрофилированы [13]. Тем не менее, это не повлияло на главных лиц – организаторов данных пространств, которыми часто выступают капелланы христианских церквей (евангелически-лютеранских в странах Северной Европы). Находясь в иерархии церковных организаций (а не принадлежа к коллективу университета, госпиталя и т. д.), они получают вместе с тем роль главного посредника между представителями разных религиозных объединений данного учреждения. Иногда это приводит к сдерживанию капелланом развития коллективных форм богослужений (они дают разрешения на них). И в целом форма индивидуального проявления религиозности, поощряемая в «комнатах тишины», по замечанию исследователь, отвечает динамике именно лютеранской религиозности [9].

Перейдём к рассмотрению эстетических аспектов оформления «комнат тишины». Дизайн комнат минималистичен, они могут включать в себя занавеси (используемые для функции временного отгораживания пространства), шкафы (в которых могут находиться книги со священными религиозными текстами, после использования скрывающиеся от глаз других посетителей), маты, коврики для религиозных церемоний, а также столы (на которых может лежать книга для записи посетителями своих впечатлений и размышлений), подставки для зажигания свечей и ароматических палочек, стулья.

Минимализм в оформлении должен способствовать главной задаче – отдыху от визуального «шума» снаружи. Но парадоксально, что как раз этот минимализм делает эти пространства практически неотличимыми от учебных аудиторий в университете, либо офисных помещений. Обеспечение нейтральности помещений требует также чаще всего отказа от узнаваемых конфессиональных религиозных символов (в частности, от изображений креста), а также от изображений людей и животных в тех помещениях, где молятся мусульмане. Как было уже отмечено, эти символы чаще всего привносятся на время молитвы. Эта особенность более всего отграничивает визуально «комнаты тишины» от сакральных пространств.

Под задачи такого рода пространств подходят абстрактные изображения, в которых могут читаться лишь самые об-

щие, элементарные знаки. Не случайно, часовню Ротко в Хьюстоне (США) с 14-ю почти монохромными полотнами считают отдалённым предшественником идеи «комнат тишины». Так, в межрелигиозном центре «Сакральная пустыня» Лондонской школы экономики и политических наук размещён витраж, в левой части которого преобладают оттенки синего цвета, в правой части – красного, в центре они плавно переходят в оттенки жёлтого и белого цвета-света [17, с. 224–226]. Они считаются прежде всего эмоционально, как контрастные переживания холодного и горячего (как в пустыне в полночь и в полдень), находящие выход в некоем гармоничном самоощущении. В то же время концепт сакральной пустыни предполагает не нейтральность, а межрелигиозный диалог, для которого был выбран нестандартный символ, общий для религиозного самосознания иудеев, христиан и мусульман.

Поскольку светские формы широко понимаемой духовности также включаются в обсуждение, то для них требуется поставить в соответствие особые символические материальные знаки. Таковыми знаками становятся, как показывает сложившаяся тенденция, природные объекты (речной или морской песок, камни разной формы и величины, ветви деревьев) или их художественные интерпретации (изображения деревьев, птиц, освещение по типу полярного сияния и др.). Так, в «комнате тишины» в госпитале в Мальмё висит рисунок, изображающий дерево и над ним парящими две птицы (из-за определённой фигуративности их пришлось переместить в ту сторону помещения, которая не связана с мусульманской молитвой) [16]. Эти естественные и поэтому как будто нейтральные материальные предметы могут, тем не менее, вызывать и религиозные ассоциации у верующих.

Выводы

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, изучение пространств «комнат тишины» делает очевидными те противоречия, которые присущи современной политике свободы совести и мультикультурализма. Полуофициальная документационная основа, диффузный характер возникновения, субъективно обусловленный дизайн и организация пространства как подчёркивают свободу, так и показывают определённую несвободу и неспособность

создания новых квазисакральных пространств. Во-вторых, «комнаты тишины» становятся пограничным пространством между секулярной и религиозной культурой, выражая ценности объединяющей (как считается) их духовности. Несмотря на предпочтение при их создании индивидуальных практик, востребованность коллективных форм не становится меньше, о чём свидетельствуют возникающие конфликты. В-третьих, в «комнатах тишины» наблюдается общая тенденция к увеличению роли эстетического фактора в оформлении сакральных пространств, что может оцениваться как формирование «гибридных пространств трансцендентности» [12]. Нельзя не принять во внимание, что дизайн помещения (который не имеет, как у церквей, каких-либо канонов, определяется нередко локальными факторами) влияет на поведение в нём людей, на проявление конкретных практик. В целом феномен «комнат тишины» показывает, что происходящая в Западной Европе трансформация в сфере религиозных отношений носит нелинейный характер, порождает новые формы сакральных пространств (где сакральность понимается как относительная), вместе с тем, не отменяя и традиционные.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
2. Иванеев С. В., Тажуризина З. А. Свободомыслие и атеизм: идеи и лица. – М.: Академический проект, 2018. – 270 с.
3. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 16–28. EDN: YSKTYT
4. Мирошникова Е. М., Смирнов М. Ю. Трансформации религии в странах Европейского Союза как предмет академических исследований // Современная Европа. – 2019. – № 5. – С. 122–131. EDN: VLSZRH
5. Ореханов Г., прот. «Духовность»: дискурс и реальность / протоиерей Г. Ореханов, К. А. Колкунова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. – 152 с.
6. Смирнов М. Ю. Экуменизм в современной Европе: адаптация к секулярному обществу // Современная Европа. – 2023. – № 4. – С. 157–169. EDN: VXFVDA
7. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.
8. Binaghi M. Ökumenische Kirchenzentren: Bild der Einheit oder Spiegel der Trennung? Architekturanalyse und theologisch-soziologische Reflexion. – Regensburg: Schnell & Steiner, 2015. – 223 p.
9. Christensen H. R., Høeg I. M., Kühle L., Nordin M. Rooms of silence at three universities in Scandinavia // Sociology of Religion: A Quarterly Review. – 2018. – XX. – Pp. 1–24.
10. Crompton A. The architecture of multifaith spaces: God leaves the building // The Journal of Architecture. – 2013. – 18:4. – Pp. 474–496.
11. de Wildt K. Raum für Religion. Die Zukunftsfähigkeit von Religion anhand von Modellen und Überlegungen über den Religionsunterricht und Räume der Stille // Wandel und

Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen. Hgg. von Albert Gerhards und Kim de Wildt. – Regensburg: Schnell & Steiner, 2017. – Pp. 335–351.

12. Erne T. *Hybride Räume der Transzendenz. Wozu wir heute noch Kirchen brauchen. Studien zu einer postsäkularen Theorie des Kirchenbaus.* – Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2017. – 254 p.

13. Gilliat-Ray S. From 'chapel' To 'prayer Room': The Production, Use, and Politics of Sacred Space in Public Institutions // *Culture and Religion.* – 2005. – 6:2. – Pp. 287–308.

14. Holsappel-Brons J. C. Space for Silence. Rooms of Silence in the Netherlands – Where Tradition and Transformation Meet // *Jaarboek voor liturgieonderzoek.* – 2010. – 26. – Pp. 221–226.

15. Meyer B., Morgan D., Paine C., Brent Plate S. The origin and mission of Material Religion // *Religion.* – 2010. – № 40. – Pp. 207–211.

16. Petersson A., Sandin G. Interior Design Dilemmas in a Shared Room of Silence // *Material Religion.* – 2020. – 16:2. – Pp. 213–235.

17. Walters J. The Desert in the City: A Post-Secular Work of Art for the London School of Economics // Ben Quash, Aaron Rosen and Chloë Reddaway (eds.). *Visualising a Sacred City: London, Art and Religion.* – London: I. B. Tauris, 2017. – Pp. 218–228.

References

1. Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukhakh o kul'ture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

2. Ivaneev, S. V., Tazhurizina, Z. A. (2018) *Svobodomyслиe i ateizm: idei i litsa* [Freethinking and atheism: ideas and persons]. Moskva: Akademicheskij proekt. (In Russian).

3. Mironov, V. V., Mironova, D. V. G. (2017) *Mul'tikul'turalizm: tolerantnost' ili priznanie?* [Multiculturalism: tolerance or recognition?]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 6. Pp. 16–28. (In Russian). EDN: YSKTYT

4. Miroshnikova, E. M., Smirnov, M. Yu. (2019) *Transformatsii religii v stranakh Evropejskogo Soyuzha kak predmet akademicheskikh issledovanij* [Transformations of religion in the European Union countries as a subject of academic research]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. No. 5. Pp. 122–131. (In Russian). EDN: VLSZRH

5. Orekhanov, G., prot., Kolkunova, K. A. (2017) *«Dukhovnost'»: diskurs i real'nost'* ["Spirituality": discourse and reality]. Moskva: Izd-vo PSTGU. (In Russian).

6. Smirnov, M. Yu. (2023) *Ekumenizm v sovremennoj Evrope: adaptatsiya k sekulyarnomu obshchestvu* [Ecumenism in modern Europe: adaptation to secular society]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. No. 4. Pp. 157–169. (In Russian). EDN: BXFVDA

7. Smirnov, M. Yu. (2017) (ed.) *Entsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic Dictionary of the Sociology of Religion]. Sankt-Peterburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).

8. Binaghi, M. (2015) *Ökumenische Kirchenzentren: Bild der Einheit oder Spiegel der Trennung? Architekturanalyse und theologisch-soziologische Reflexion.* Regensburg: Schnell & Steiner. (In German).

9. Christensen, H. R., Høeg, I. M., Kühle, L., Nordin, M. (2018) Rooms of silence at three universities in Scandinavia. *Sociology of Religion: A Quarterly Review.* XX. Pp. 1–24.

10. Crompton, A. (2013) The architecture of multifaith spaces: God leaves the building. *The Journal of Architecture.* Vol. 18:4. Pp. 474–496.

11. de Wildt, K. (2017) *Raum für Religion. Die Zukunftsfähigkeit von Religion anhand von Modellen und Überlegungen über den Religionsunterricht und Räume der Stille. Wandel und Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen.* Regensburg: Schnell & Steiner. Pp. 335–351. (In German).

12. Erne, T. (2017) *Hybride Räume der Transzendenz. Wozu wir heute noch Kirchen brauchen. Studien zu einer postsäkularen Theorie des Kirchenbaus.* Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt. (In German).

13. Gilliat-Ray, S. (2005) From 'chapel' To 'prayer Room': The Production, Use, and Politics of Sacred Space in Public Institutions. *Culture and Religion.* Vol. 6. No. 2. Pp. 287–308.

14. Holsappel-Brons, J. C. (2010) Space for Silence. Rooms of Silence in the Netherlands – Where Tradition and Transformation Meet. *Jaarboek voor liturgieonderzoek*. Vol. 26. Pp. 221–226.

15. Meyer, B., Morgan, D., Paine, C., Brent Plate, S. (2010) The origin and mission of Material Religion. *Religion*. No. 40. Pp. 207–211.

16. Petersson, A., Sandin, G. (2020) Interior Design Dilemmas in a Shared Room of Silence. *Material Religion*. Vol. 16. No. 2. Pp. 213–235.

17. Walters, J. (2017) The Desert in the City: A Post-Secular Work of Art for the London School of Economics. *Visualising a Sacred City: London, Art and Religion*. London: I. B. Tauris. Pp. 218–228.

Об авторе

Барашков Виктор Владимирович, кандидат философских наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-9806-6504, e-mail: v.barashkov@gmail.com

About the author

Viktor V. Barashkov, Cand. Sci. (Philos.), Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moskva, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-9806-6504, e-mail: v.barashkov@gmail.com

Поступила в редакцию: 21.05.2024

Принята к публикации: 27.06.2024

Опубликована: 17.09.2024

Received: 21 May 2024

Accepted: 27 June 2024

Published: 17 September 2024